

насилие, безработица, плохое школьное образование, преступность. Французский социолог Жак Донзело пишет, что те, у кого есть хоть какая-то возможность, стремятся какими угодно способами покинуть настоящие места чтобы «спастись бегством от негативных последствий сожительства с теми, кого вытеснили сюда, а еще с теми, кто прибывает туда из бедных стран».

Исходя из вышеизложенного, возможно сделать вывод, что многие современные тенденции, такие как неистовые процессы социальных трансформаций, как в государствах постсоветского пространства, да и по всему миру, приводящие в ряде случаев к массовым протестам, демонстрациям или вооруженному противостоянию, обширное распространение «анклавизация» изолированных кварталов для богатых людей и концентрация нищеты в трущобах и пригородах, свидетельствует о всё большей поляризации общества и росте классовых противоречий. И хотя практически все развитые прогрессивные государства декларируют равенство всех граждан в правах и возможностях, фактически эти возможности напрямую зависят от финансового состояния определенного человека либо группы людей.

Таким образом, можно констатировать действительный рост материального неравенства и разделения людей на классы бедняков и состоятельных людей, где первые если и не находятся в прямом подчинении, то так или иначе безгранично зависят от вторых. Именно это и заставляет современных ученых всё чаще возвращаться к классовой теории образования государства, как к преимущественно аргументированной и верно спрогнозированной.

Список литературы

1. Ленин, В. И. Краткий биографический очерк с изложением марксизма // Полное собрание сочинений / Ленин В. И.. – 5 изд. – Т. 26. – С. 43 – 93.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. – 2 изд. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 4. – 638 с.

Е.В. Ананевич
БГЭУ (Минск)

О ДЕСТРУКЦИИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ

Вопрос о способности быть носителем субъективных прав и обязанностей (правосубъектности) всегда рассматривался как одна из ключевых теоретико-методологических проблем правовой доктрины. Даже беглый взгляд на историю вопроса позволяет утверждать, что изменения в понимании категории правосубъектности теснейшим образом связаны с трансформацией представлений о человеке и его месте в этом мире и роли в обществе.

Формирование сегодняшних воззрений на возможность быть участником правоотношений – субъектом права – прошло длительный период развития. Тем не менее, именно с периодом Возрождения, а затем Просвещения связан важный теоретико-методологический «скачок» в научных идеях от простых рассуждений о «лице» (*persona*, *persona fisica*) к достаточному уровню абстракции в понимании категории субъекта права (Г. Гроций, Р. Декарт, Д. Локк, Г. Лейбниц). Безусловно, что в это время были заложены основы концепции всеобщего правонаделения с позиции

попыток выстраивания цельного методологически выверенного подхода(ов) обоснования возможности правонаделения. Движение философии и правовой науки ознаменовалось сдвигом в сторону антропоцентрического понимания характеристики возможности и способности выступать в качестве носителя прав и обязанностей. На первый план в применяемых для анализа указанного вопроса методологических приемах и способах были выдвинуты такие свойства имманентные человеческой природе (в силу христианских воззрений на происхождение человека) как воля, способность мыслить, в том числе рационально, иметь интересы, и главное выступать в качестве активного «творца», т.е. именно своими действиями преобразовывать окружающую действительность (в том числе, посредством социального взаимодействия).

Дальнейшее развитие волевого компонента концепции субъекта права получило свое развитие в работах представителей классической немецкой философии И. Канта и Ф.В. Гегеля [2]. Вне зависимости от трактовки воли субъекта (негативная концепция И. Канта анализа воли через отношение к другому лицу (человеку) или позитивное значение господства воли Ф.В. Гегеля с её акцентом на самореализации индивида и, в конечном счете, возможности вложения воли в окружающие человека предметы) было окончательно закреплено понимание субъекта права как активного «актора» (того, кто действует).

Последующее развитие идей правосубъектности в работах представителей немецкой школы права XIX в. (Ф.К. фон Савиньи, Г.В. Пухта, Б. Виндшейд, О. фон Гирке, Р. фон Иеринг) оставалось в рамках категориальной триады: лицо – правоотношение – субъективное право (как господство воли или воли к участию в благих), базирующей на концепциях автономии воли. При этом, антропоцентризм, служащий основой методологии, акцентировал внимание при ответе на вопрос «Что есть субъект права?» на необходимости поиска и обоснования достаточных существенных признаков того, что или кто рассматривается как потенциальный носитель прав и обязанностей, через призму человеческого естества (того, как понимается мышление, воля, интерес).

Современное развитие информационных технологий ставит новые вызовы перед правовой наукой. Один из них – поиск правовых стандартов разрешения проблемы правового режима или правового статуса робототехники, искусственного интеллекта, киберфизических систем обладающих определенной степенью автономности по отношению к человеку. Применительно к вопросу возможности признания правосубъектности за образованиями, основанными на технологиях робототехники и искусственного интеллекта, простая экстраполяция методологии волевых теорий правосубъектности не даст желаемого результата. Видимо по этой причине в научных кругах все чаще звучит утверждение о нецелесообразности формирования унифицированного понятия робототехники, искусственного компонента на базе использования волевого компонента, соотносимого с пониманием человеческой воли и мышления [1].

Тем не менее, прагматический подход разрешения данного вопроса (простое признание правовой личности за искусственным интеллектом с позиции утилитаризма) не снимает с повестки вопроса научного поиска необходимости формирования методологического обоснования возможности признания за искусственным интеллектом свойства играть активную роль в правоотношениях, т.е. быть не объектом

субъективных прав.

В этом контексте интерес представляют научные поиски, которые ведутся последние десятилетия в западной правовой доктрине. В частности, все чаще основой таких идей становятся представления постмодернистской философской мысли о деструкции роли человека в современном обществе. Как следствие идеи о децентрализации места человека, характерные для воззрений постмодернизма, становятся питательной почвой для трансформации принятых в теории права трактовок правосубъектности, базирующихся на волевом компоненте. Само понятие субъекта права, правосубъектности приобретают качества изменчивости, случайности [5]. Указанные аспекты получают свое развитие на базе основных положений аналитической юриспруденции, экономического анализа права и прагматизма. В этом плане показательными являются идеи У. Хофельда (W. Hohfeld), Г. Харта (H. Hart) [3] и более современные версии – N. Naffie, R. Tur, В. Курки (V. Kurki). К примеру, оригинальная идея правосубъектности В. Курки (теория «правовых платформ» - legal platform) рассматривает лицо в праве как совокупность различных связей прав и обязанностей (в терминологии автора – совокупности субъектно-правовых позиций), содержательные границы которых зависят от целей и природы отдельных правоотношений. Следует отметить, что подобные концепты правосубъектности напоминают правовую мозаику, своеобразный «правовой конструктор», позволяющий в силу контекстуальной зависимости трансформировать и перестраивать правосубъектность в угоду реальным потребностям. Безусловно, что такие концептуальные основы приводят к размыванию целостного понятия правосубъектности, к её деструкции. Методологически, в принципе, наблюдается отход от презумпции возможности общей концепции правосубъектности, отказ от развития идеи всеобщей концепции правонаделения. При исследовании проблем правосубъектности акцент смещается с анализа природы явления, образования (тех необходимых и достаточных признаков, обуславливающих возможность участия в правоотношении) на роль, функцию, выполняемую в определенном контексте, под воздействием определенной спецификации условий. Несложно заметить, что вопрос о характеристиках, определяющих способность быть носителем прав и обязанностей, переходит из разряда вопросов в число предпосылок, предусловий, аксиоматических начал, и более не требует научного познания (например, у В. Курки моральная концепция наивысшей ценности, которая опять же часто рассматривается вовсе не с аксиологических позиций, а с весьма утилитарных начал). Применительно к проблематике правосубъектности искусственного интеллекта отметим, «как и в случае с социальными организациями, мы вправе рассматривать искусственный интеллект как субъект, когда он может действовать как человек в конкретных ситуациях: фактически обладать вещью, заключать договоры и т. д.» [4]. Т.е. достаточно просто «функционировать как человек».

Насколько такие концептуально-методологические представления о правосубъектности внешне схожего с человеческим активным «поведением» образования, базирующегося на использовании технологий искусственного интеллекта, научно выверены и бесспорны, может быть верифицировано только в процессе дальнейшей научной дискуссии. Но не стоит забывать, что право само по себе, в его концептуально – методологической основе – это движение от человека к человеку, и главное всегда – про человека.

Список литературы

1. Аналитический обзор мирового рынка робототехники Сбербанка 2019 год // Официальный сайт Сбербанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/pdf/sberbank_robotics_review_2019_17.07.2019_m.pdf. – Дата доступа: 10.11.2021.
2. Гегель, Г. Философия права / Г. Гегель; переводчик Б. Г. Столпнер. – Образовательная платформа Юрайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/411565>. - Дата доступа: 21.11.2021.
3. Hart, H. Definition and theory in jurisprudence / H. Hart // Law Quarterly Review. – 1954. – № 70(1). – P. 37–60.
4. Kurki, V. A.J. A theory of personhood / V. A.J. Kurki . – Режим доступа: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/oso/9780198844037.001.0001/oso-9780198844037>. – Дата доступа: 12.11.2021.
5. Schlag, P. The problem of the subject / P. Schlag // Texas Law Review. – 1991. – № 69. – P. 1627–1743. – Режим доступа: <https://scholar.law.colorado.edu/articles/893>. – Дата доступа: 10.11.2021.

Д.А. Бондарь
БГУ (Минск)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ САМООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОРА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Реалии XXI-ого в. отличаются быстротой смены событий, тенденций и запросов общества. От человека сегодня требуются самостоятельные начинания в различных сферах жизни, способность самоорганизовываться, быть ответственным и волевым, стремление не ограничиваться базой полученных ранее знаний. Традиционно основным предназначением образования признается формирование из человека специалиста, его нового «образа», предполагающего компетентность в определенной узкой сфере. В связи с этим обязательное образование часто ассоциируется с принуждением к получению знаний и закономерной последующей апатией к образовательному процессу, отсутствием или ограниченностью свободы выбора предмета изучения.

Феномен самообразования не стал новинкой XXI-ого в., однако сегодня он предстаёт современным или естественным трендом, часто заметным в нынешнем обществе явлением. Самообразование определяется Е. Комаровым следующим образом: «Самообразование – это целенаправленный и определенным образом организованный процесс приобретения необходимых в профессиональной деятельности знаний, формирования умений и навыков путем самостоятельных занятий на рабочем месте и/или вне него» [1, с. 34].

Очевидно существование механизмов развития и функционирования самообразования в современном обществе, одни из сущностных черт которого – свобода выбора индивида, его добровольное волеизъявление при вступлении во взаимоотношения и самое главное – частный интерес. Самостоятельная инициатива человека во многом отличает самообразование от привычных форм образования уже по таким критериям, как заинтересованность в конечном результате, различное количество